18+

АЛЕКСАНДР ДЁМЫШЕВ

ЧЕТЫРЕ ДНЯ В КОНЦЕ ВЕКА

ПОВЕСТЬ ИЗ СБОРНИКА «ШРАМЫ»

Александр Дёмышев

Четыре дня в конце века. Повесть из сборника «Шрамы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71140594
ISBN 9785006461741

Аннотация

Имя её – Надежда. В прошлом стриптизёрша и сожительница подстреленного бандита. Ныне мать-одиночка, ещё и беременная. Чтобы не создавать себе лишних проблем, Надя решается на аборт. И всё бы ничего, да только жизнь день за днём ставит преграды на её пути в абортарий…

Содержание

День первый 5
День второй 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Четыре дня в конце века
Повесть из сборника «Шрамы»

Александр Дёмышев

Корректор М. С. Стародумов

© Александр Дёмышев, 2025

ISBN 978-5-0064-6174-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День первый
Пятница, 22 декабря 2000 г.

Сквозь серую снежную пелену проступает большая синяя вывеска. На ней крупные белые буквы: «ЖЕНСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ». Чуть ниже вывески – часы. Круглые, с чёрными стрелками. На часах без минуты полдень. Слегка щёлкнув, минутная стрелка перескакивает на очередное деление, и в этот момент стеклянная дверь под часами резко распахивается. Молодая женщина, сбежав с крыльца, уходит прочь по заснеженным тротуарам. Зовут её Надя. Она очень хочет курить, но ветер слишком резкий, противный. Надя кутается в норковый воротник каракулевого пальто, снежинки влажным холодком скользят по носу. На восьмой неделе беременность ещё не заметна для окружающих. Тем более не заметна, если женщина в зимней одежде. Совсем незаметна, будто её ещё нет.

Надя направляется к выходу с огороженной территории, усыпанные снегом деревья неспешно плывут ей навстречу. В Надиной голове вертятся малопонятные и малоприятные слова: *вакуумная аспирация, дилатация, кюретаж.* А ещё *фармацевтический аборт*, который, как сказал врач, делать уже поздновато. Скорей бы покончить со всем этим! Настроение паршивое, но нужно держать себя бодрячком. Консуль-

тации пройдены, анализы сданы, остаётся последний шаг – сама операция. В понедельник, в 13:00. А дальше – снова свобода! Уже и праздники не за горами, и пусть старые проблемы сгинут с уходящим годом, с уходящим веком. В новый век (даже можно громче сказать – в новое тысячелетие!) брать с собой промахи, неудачи – негоже.

Расчищенная от снега дорога уходила к воротам налево. А прямо к железной калитке вела протоптанная в сугробах узенькая тропа. Надя шла по ней, иногда спотыкаясь. Стройная, симпатичная, двадцати семи лет. Мать-одиночка, дочери три с половиной года. Папашу её непутёвого Наде так и не удалось в своё время затащить в загс, а недавно он и вовсе их бросил. Забот у Нади полно – выше крыши, второй ребёнок сейчас некстати. Была бы беременна от стоящего мужика – дело другое. Да откуда ж такой возьмётся? Кругом одни сволочи! Декабрь. Двадцать второе. Самый короткий день в году и, кажется, самый хмурый. Света зимой и так не хватает, а низкое солнце, как назло, заслонили тучи. Вдобавок ещё этот снег, сыплющийся с начала недели; кругом всё серо, промозгло, как у неё на душе.

Железная калитка лязгнула за спиной Нади. Она вышла на оживлённую улицу, и тут же издали послышался вой сирен. Заунывное пиликанье нарастало, приближалось, тревожило. Прохожие притормаживали, головы их поворачивались в сторону перекрёстка. Сквозь серую хмарь сначала проклюнулись лишь синие маячки. Но вот из снежной пе-

лены на улицу Менделеева выскочили одна за другой две завывающие машины: милицейская «Волга» и УАЗ-буханка – скорая помощь. Швыркая снежным крошевом, шугая встречные легковушки, шумный спецтранспорт проследовал в сторону Филейки.

Перейдя через дорогу, Надя поймала бомбилу-частника на бежевых «жигулях». Сторговавшись на полтишок, она устроилась на переднем кресле.

Стих вдали шум сирен. Бежевый жигулёнок, украшенный таксистским клетчатым гребешком, увёз Надю в ту же сторону, куда укатили машины с мигалками. Усыпанные снегом прохожие, глядя под ноги, снова шли по своим делам. А у скрипучей железной калитки, открывающей путь к медучреждению женщинам беременным по-настоящему и «не совсем», возился теперь бородатый мужчина в чёрном пальто. Он что-то приделывал-приматывал к прутьям забора. Наконец отошёл на два шага и, дыша для сугреву на пальцы, придирчиво осмотрел работу. Вроде нормально. Сунув руки в карманы, мужчина двинулся прочь. Походка его была необычная: левую ногу он слегка волочил. А на заборе, рядом с железной калиткой остался висеть фотоплакат: новорождённый младенец тянет ручонки к женщине. Подпись: «МАМА, Я ХОЧУ ЖИТЬ!» Чуть ниже приписка: «Не убивайте своё дитя. Откажитесь от аборта! Требуется помощь – звоните в вечернее время по телефону 23-44-70. Михаил».

Гудел мотор, за стеклом мельтешили машины. Бежевый

жигулёнок обгонял вереницу длинных междугородных грузовиков, растянувшихся на подъём вдоль всей Луганской улицы. Дело обычное: во время затяжных снегопадов фуры всегда тут буксуют. Перед Надиными глазами болталась картонная жёлтая ёлочка. Надя морщилась недовольно: воздух в авто пропитался запахом лимонного ароматизатора. Надя терпеть не могла лимоны и апельсины, но…

«Разве есть дело этому небритому шоферюге до того, что кто-то из пассажиров может с детства страдать аллергией на цитрусовые? – злилась она про себя. – Скорей бы из этой колымаги выбраться!» Динамики сильно хрипели. «Наверное, с таким звуковым эффектом хорошо Высоцкого слушать, – пришло в голову Наде. – Особенно если ещё и громкость пошибче врубить».

Но вместо главного барда советской эпохи из динамиков хрипела императрица российской эстрады:

Суженый мой, ряженый, мне судьбой предсказанный,
Без тебя мне белый свет не мил[1].

Испорченные колонки почти до неузнаваемости исказили голос Ирины Аллегровой. Казалось, певица совсем простудилась.

Суженый мой, суженый, голос твой простуженный

[1] Здесь и далее цитируются отрывки текста песни «Суженый мой», автор И. Николаев.

Сердце навсегда приворожил.

Щетинистый шоферюга рулил, искоса осматривая пассажирку. Красивая. Синие глаза, прямые чёрные волосы, губы ярко накрашены, родинка на левой щеке. Пассажирка, о чём-то задумавшись, вытащила из сумочки сигареты, но не успела открыть пачку – водила осадил:

– В моей машине не курят!

– Я же вас наняла, оплачиваю, – искренне удивилась Надя.

– Ёлы-палы! Так-то вы пла́тите мне за доставку, а не за рак лёгких! – отрезал мужик.

– Ладно, – спрятав сигареты, ответила пассажирка. – Хотела вам чаевых отвалить, но…

– Тогда курите, – быстро нашёлся бомбила, – только форточку приоткройте.

Надя чуть приоткрыла форточку, но курить не стала. «Хрен ты получишь, не чаевые!» – мысленно ответила мужику.

Надя смотрела на пробегающие за окном пейзажи. В сквере на площади XX партсъезда вовсю торговали ёлками, под колоннами Дворца культуры вырос палаточный городок – предновогодняя ярмарка. Выехали на Октябрьский проспект, и тут водителю пришлось сбросить скорость. Чуть дальше по правому борту на парковке у казино замерли в беспорядке машины скорой помощи и милиции. Их было там несколько штук: «Волги», «Газели», УАЗы. Беззвуч-

но сверкали синие и красные маячки. Переливаясь, сверкала и вывеска «Империя удачи» над казино. Вокруг спецмашин суетились люди: бегали, нагибались, разгибались. Хлопнули дверцы, и одна из медицинских карет, взвыв сиреной, вырулила на дорогу прямо перед носом их «жигулей». Резко вдавив педаль тормоза, бомбила ругнулся сквозь зубы. Пристроившись следом за воющей скорой помощью, он процедил сам себе:

– Похоже, докторам, ёлы-палы, работёнки-то привалило. Скорее бы уж этот год високосный закончился!

От картины, виденной у казино, спина Нади покрылась противными каплями пота. Холодный ручеёк под блузкой неприятно стекал вдоль позвоночника. На душе стало совсем тоскливо. Ей и так-то было не до веселья, а тут и вовсе поплохело. Неясное предчувствие нахлынуло как волна. И волна эта так прибила, что, выбравшись из машины у гостиницы «Спутник», сунула Надя водителю сотенную, а сдачу спросить позабыла. Щетинистый бомбила укатил, не сказав спасибо.

***

Зайдя в гостиничный холл, Надя прошла к стойке ресепшена. Она привычно кивнула администраторше.

– Лера, мой бенефончик опять не находит сеть!

– Да что ты?! Представь, моя моторолка тоже сегодня

не видит вышку.

– Так ты мне дашь позвонить?

– Дам, Надечка, дам, – администратор пододвинула дисковый телефон. – Ох уж эта «Вятская сотовая», вечно у них всё вне зоны действия!

Наде хотелось без коллег (точнее, без их подслушивающих ушей) поговорить с маман. Маман – так вслед за своим бывшим стала за глаза называть маму Надя. Маман отвечать не желала. Надя вслушивалась в тягучие гудки из трубки. Тревожные предчувствия медленно испарялись.

В сторонке, рядом с большим ярко освещённым аквариумом скучал очередной новенький охранник-вышибала (в «Спутнике» вышибалы надолго не задерживались). Полосатые скалярии вальяжно плавали за стеклом, а двухметровый паренёк, скрестив на груди руки, мирно жевал резинку. Конечно, пусть поскучает, всё самое интересное для него впереди! Слева от входа располагались массивные двери, что вели в пристрой, занимаемый рестораном. По вечерам оттуда неслись крики и музыка, ругань, звон битой посуды и глухие шлепки ударов.

Не в такие уж давние времена Надя сама работала в подобных «очагах культуры». Сначала вкалывала девочкой гоу-гоу, затем стриптизёршей. Так и трудилась бы в шоу-бизнесе, если б не встретила суженого своего горе-кавалера. Случилось то знаменательное событие шесть лет назад. Геннадий (так звали суженого) был завсегдатаем ночного клуба

«Золотая гора», Надя же там пахала на танцевальной ниве. Втюрилась тогда юная стриптизёрочка по уши, даже по макушку. Ещё бы! Гена казался солидным мэном. Не иначе, коммерсант перспективный! – завидовали подруги. Да только суженый оказался ряженым: бандитом (не рядовым – бригадиром!) по прозвищу Крокодил.

От этого самого Крокодила Гены нагуляла девушка дочку. Оля, Олюньчик, так Надя её называла. И не подумайте, девчушка получилась вовсе не крокодилица, видать, Генины генов дочери мало досталось. Вполне себе миленькая девочка подрастала – в маму! А молодой маме очень хотелось замуж. Не теряла Надежда надежду. Но надежды Надежды не оправдались. Геннадий расписываться не спешил, все эти годы отношения бандита и танцовщицы пребывали в подвешенном состоянии. Правда, с работой Крокодил Наде всё же помог. Дал протекцию, и мать его дочери получила место в приличной юрфирме. Обязанности несложные: документики распечатать, кофе сварить, о важном звонке напомнить. Попутно Надя заочно грызла гранит юридической премудрости в филиале столичного вуза. До диплома (и повышения) оставалось – рукой подать.

Неприятности начались в прошлом году. Вначале случилось ЧП: бесследно пропал Чубэн, главный авторитет, положенец, смотрящий по Кирову. Исчез, испарился – ни слуху ни духу. С этого момента у Гены (как и у многих в городе) делишки пошли наперекосяк. Сначала с братками-кон-

курентами тёрки на ровном месте образовались, затем следаки обнаглели – с разных сторон принялись наседать. Положение Крокодила и его корешей осложнялось. В ближайшее время суженый запросто мог стать *осу́жденным*. То есть осуждённым по статье 163 УК РФ на срок от семи до пятнадцати лет лишения свободы. Гена нервничал. Отношения (и так далёкие от идеальных) портились. Надя понимала, что нужно как-то завязывать с горе-кавалером, постепенно завязывать, чтобы дров не наломать, не лишиться Гениного финансирования. А пока отношения продолжались, Надя старалась предохраняться. Вроде бы всё она правильно делала в плане предохранения, однако…

И вот, стоило залететь девушке во второй раз, как кавалер её бросил. Да, недобрым крокодилом оказался Геннадий. Жизнь – не мультфильм, может так тебя по башке чебурахнуть! И, если уж вспоминать то известное детское произведение, то без ещё одного персонажа не обойтись. Помните злобную тощую старушенцию? Так вот, в этой истории так же имелась своя мадам Шапокляк. Имелась в виде Ираиды Прокофьевны – Надиной мамочки, той самой маман, так «горячо любимой» Крокодилом Геной.

В обоих залётных случаях маман настаивала на аборте. И если в первый раз Надежда, лелея радужные мечты и имея поддержку своего крутого мэна, даже слушать про аборт не желала, то теперь призадумалась. На сей раз маман определённо права: с одним ребёнком ещё можно как-то устро-

иться в жизни, то есть выскочить за путёвого мужика (за какого-нибудь прошаренного юриста!), но чем больше детей на балансе – тем призрачнее перспективы. С двумя и более детьми мечты о выгодном браке тают, как эскимо, которое забыли убрать в морозильник.

Маман так и не соизволила ответить. Надя положила трубку и, отодвинув аппарат, поймала томный взгляд вышибалы. Детина, смутившись, уставился в аквариум. Надя, переглянувшись с администраторшей, хихикнула. Первая улыбка на этой неделе, не считая общения с дочерью! Уходя, Надя, бросила вышибале:

– Рыбок-то покормить не забудь!

– Кормил уж сегодня, – пробурчал под нос скромный детина.

Надя направилась в противоположную от дверей ресторана сторону. Вдоль коридора тянулись офисы, кабинеты. Весь первый этаж гостиницы «Спутник» сдан был под всяческие конторы. Одной из таких контор и была юридическая фирма, где на должности «подай-принеси-проваливай» успешно трудилась Надя. Их офис представлял собой несколько бывших гостиничных номеров, объединённых в одно большое пространство. Располагался офис в самом конце коридора. «Как бы поаккуратнее взять на понедельник отгул? – размышляла Надя. – Про аборт господам юристам знать ни к чему. Придётся придумать что-то простое и правдоподобное. Хотя с чего я должна заморачиваться? По семейным об-

стоятельствам нужно – и точка!»

За дверью царила привычная атмосфера. Непривычным было тут лишь одно: на дальней стене красовался новенький (ещё вчера его не было тут) фотопортрет молодого энергичного президента, сменившего Ельцина в этом году. Юристы работали. Их было тут четверо. Двое, обложившись папками и уткнувшись в бумаги, сидели за столиками. Ещё двое, пристроившись у окна, дымили в открытую форточку, при этом спорили оживлённо, осыпая друг друга мудрёными юридическими формулировками. Вокруг них с лейкой в руках крутилась Оксана Хорошавина – красавица-секретарша, напарница Нади, тоже брюнетка, но в отличие от Нади кареглазая. Болтая по радиотелефону, Оксана (ну просто вылитая Элизабет Тейлор в её лучшие годы) поливала фикусы, стоящие на подоконнике. Блестящая чёрная лейка очень шла цвету её волос.

Поначалу Надю никто не заметил, и она, так долго мучившаяся от желания закурить, не снимая пальто, прошла прямиком к окну. Только тут на неё обратили внимание. Коллеги посторонились, поднесли огонёк и… как-то разом примолкли. Юристы, сидевшие за рабочими столиками, перестали рыться в бумагах, многозначительно переглянулись. Даже Оксана, хлопнув два раза глазами, положила трубку. Лейка беспомощно повисла в её руке. Хорошавина смотрела на Надю, покусывая губки и усиленно накручивая блестящий чёрный локон на палец. Надя на всё это не обращала

внимания, она выпускала дым в форточку, думая о своём.

Вышел из кабинета шеф, посмотрел как-то очень уж строго; седые брови сдвинулись над очками; он вздохнул тяжело. Надя сразу подобралась и, потушив сигарету, бросила взгляд на часы.

– Я вроде не опоздала, Олег Игоревич. Задержалась, но пришла как договаривались.

– Всё в порядке, Надя, – начальник ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. – Не переживайте так.

Шеф, подойдя к окну, сунул руки в карманы брюк. Он молча смотрел сквозь стекло. Надя решила воспользоваться моментом.

– Олег Игоревич, тут дело такое. Придётся мне по семейным обстоятельствам ещё и на понедельник отгул брать.

Шеф кивнул, задумчиво глядя на снег за окном, на спешащих куда-то прохожих. «Какой-то он непонятный сегодня», – решила Надя. И, как бы оправдываясь, быстро заговорила:

– Я могла бы, конечно, в понедельник с утра подойти на пару часиков, помочь, если требуется…

– Ну, что вы, что вы, – начальник поднял ладонь, останавливая благородный порыв подчинённой. – Что я, не человек? На понедельник даю вам оплачиваемый отгул, делайте спокойно свои дела. Да и сегодня, думаю, Оксаночка тут одна справится.

И Надя, и шеф, и все четыре юриста уставились на Хоро-

шавину. Оксана хлопала карими глазами и всё накручивала чёрный локон на палец. Наконец до «Элизабет Тейлор» дошло, что все ждут её слова.

– Да-да, Надюш, ты иди. Я тут справлюсь.

После этого в офисе установилась такая тишь, что слышно стало даже завывание бормашины из стоматологического кабинета, расположенного через несколько стен. В другое время Надю долго уговаривать не пришлось бы. Её отпускают с работы пораньше – клёво! Но как-то уж подозрительно выглядел при этом начальник, да и другие – не лучше. Надежде хотелось что-то ещё уточнить, но что? Она открыла было рот, но выдавила лишь:

– Ладно. Тогда до вторника? Пока.

Коллеги молча ей покивали. Борясь с противоречивыми чувствами, Надя покинула офис.

***

Она первым делом направилась в детский сад. Глянула на часы. Нужно торопиться: по распорядку дети уже заканчивали обедать. Всё у Надежды было рядышком на Филейке: работа, садик, однушка мамина, в которую с дочкой перебрались недавно от Гены. В квартире этой жили они вдвоём, маман пару лет назад переехала к хахалю в Радужный – микрорайон на другом краю города, а Богдан (младший брат) служил срочную в Забайкалье. После того, как Надежду отпу-

стили с работы, ей стало намного лучше: впереди целый вечер общения с Олюньчиком, а дальше – два выходных! Дочке так её не хватает, ведь в рабочие дни Надя обычно поздно освобождается.

Оля росла спокойным ребёнком, кризис трёхлетнего возраста (если таковой вообще существует) прошёл для родительницы незаметно. Но сегодня девочку было не узнать! Всё началось ещё в садике, откуда Олюньчик отказывалась уходить. Плакала в раздевалке, чуть не истерику закатила. «Ну, понятно, время-то к тихому часу подходит, спать захотел ребёнок, вот и капризит», – так поначалу решила Надя. Но дальше – больше. Капризы продолжились и на улице. Не помогали ни пряник, ни кнут (то есть ни посулы просмотра любимых мультиков, ни рисуемая строгими интонациями перспектива скоротать целый вечер в углу). Дочку как подменили. А может быть, сглазили?!

Надя потрогала лоб ребёнка. Непонятно, вроде горяченький. Скорую, что ли, вызвать? Кое-как затащила горланящую на весь подъезд дочку в квартиру. Надежда пыталась удержать градусник под мышкой ребёнка. Олюньчик вырывалась, задыхаясь в слезах и соплях. Измерили температуру с грехом пополам, вроде нормальная, но не совсем: 36,9. Что дальше? Вариант звонить в скорую уже не казался верным. Выдохнув, Надя набрала номер маман. Но отвечать на звонок дочери Ираида Прокофьевна опять не спешила. И вот, когда рука с трубкой уже опускалась на аппарат, Надя услы-

шала истошные мамины вопли:

– Алло! Алло! Доча, ты?

В первый миг Надежда испытала облегчение: всё-таки дозвонилась. Но тут же тревога накрыла её: на том конце провода явно было не всё в порядке. Быстро рванув трубку к уху, Надя крикнула:

– Да! Я это! Что у тебя стряслось?

– Как что? Ничего! Это же у тебя там… стряслось.

Наде пришло в голову, что странный получается у них разговор. Впрочем, как и весь сегодняшний день.

– Ну… в общем, да, – ответила Надежда, но тут же, глянув на Олюньчика, добавила: – хотя уже нет.

Малышка, к удивлению Нади, неожиданно успокоилась и, сидя на полу, играла с любимой куклой Машей.

– Что да?! Что нет?! Ты что там, выпила с горя? – чуть подумав, маман молвила неуверенно: – Или с радости?

– Да о чём ты вообще? Несёшь какую-то ахинею, честное слово! Если ты про Олюньчика, то с внучкой твоей, кажется, всё в порядке.

– Что значит «кажется»? Да и не про Оленьку я тебе говорю. А про папашу её непутёвого, про твоего супермена, который вас бросил!

– Про Гену? – Надя перевела дух (в последнее время дела бывшего кавалера её уже мало заботили). – А что с ним? Так-то он мне по барабану.

– Да знаю. И правильно, что по барабану, я давно тебе

говорила! Но ты всё-таки новости местные глянь по телеку, – Ираида Прокофьевна чуть замялась, интонации её голоса стали тише. – Отпрыгался твой Крокодил. Я к вам завтра с утра пораньше приеду.

Из трубки раздались гудки.

Часом позже, стоя в домашнем халатике у плиты, Надя помешивала суп в кастрюле. На голове её красовался тюрбан-полотенце, ноги отдыхали от каблуков в мягких удобных тапочках. Всё там же, на полу играла Олюньчик, теперь она строила домик из кубиков. По девятому каналу шёл репортаж о крупной бандитской разборке, случившейся прямо средь бела дня. Корреспондент с микрофоном, украшенным цифрой «9», вещал озабоченной скороговоркой:

– Сегодня в полдень на выходе из казино «Империя удачи» была дерзко расстреляна бригада криминального авторитета Геннадия Краколина, известного в преступных кругах под прозвищем Крокодил Гена. Убито пять человек, в том числе и главарь; все они входили в так называемую Филейскую ОПГ. Огнестрельное ранение получил случайно оказавшийся рядом прохожий – дворник соседнего гастронома, он находится в реанимации. Ведётся розыск преступников по горячим следам.

– Ну следы-то, похоже, давно остыли, – ответила Надя неумолкающему репортёру. Она извлекла из холодильника бутылку «Столичной» и, плеснув несколько капель в рюмку, обратилась к девочке на полу:

– Что ж, Ольга Геннадьевна, папаше твоему непутёвому пусть земля будет пухом.

Дочка оторвалась от кубиков и, как-то серьёзно по-взрослому посмотрев Наде в глаза, ответила:

– Маматька, дай анфетьку.

День второй
Суббота, 23 декабря 2000 г.

Освещая путь фарами, троллейбус третьего маршрута вразвалочку подкатил к конечной. Двери отворились, и сонный рабочий люд вывалился наружу в холодную темноту раннего зимнего утра. Сквозь вихрящиеся в фонарном свете снежинки толпа направилась к проходной, у дверей которой скрёб тротуар взмыленный дворник.

Трижды орденоносный завод «АВИТЕК» – промышленный флагман города – все девяностые через раз дышавший, он ожил теперь и окреп. С недавних пор даже по выходным здесь кипела работа: государству вновь понадобилась боеспособная армия. Войска нуждались в мощном оружии, а оружие на Филейке делать умели давно, ещё со времён Великой Отечественной[2].

Люди скоро ушли в цеха, чтобы ковать «щит и меч» за двойную оплату. Лишь один пассажир задержался на остановке – бородатый мужчина в чёрном пальто. Чуть волоча левую ногу, приблизился он к столбу, по-хозяйски его осмотрел и взялся за дело. Через десять минут, когда к остановке подруливал очередной троллейбус, мужчина шёл уже мимо

[2] Подробнее о жизни во время войны в Кирове, на Филейке, читайте в приключенческой повести Александра Дёмышева «Витькины небеса».

заводской проходной. Он снова дышал на замёрзшие пальцы, пытаясь их отогреть. Путь его лежал к деревянной филейской церквушке – храму Новомучеников и Исповедников Российских. А на столбе у остановки остался висеть фотоплакат – точно такой, как у женской консультации: «МАМА, Я ХОЧУ ЖИТЬ!», ручонки детские тянутся, ну и т. д.

Миновав проходную, бородатый мужчина в чёрном двигался мимо недавно окрашенного заводского забора под горку. Ему и за забором этим бывать доводилось, правда, с той поры уже четверть века минуло; в юности, ещё до призыва на срочную, он проходил производственную практику на заводе. Много воды утекло с той весёлой застойной поры, со времён *развито́го* социализма. А храма тогда на Филейке не было, церковь эту возвели здесь шесть лет назад.

От остановки до храма идти четыре минуты, он по своим электронным часам в прошлый раз засекал. Этой дорожкой бородатый мужчина шёл всего третий раз, ведь только на прошлой неделе перевели его из района в областной центр. Определив отцу Михаилу местом службы филейский храм, архиепископ сразу благословил священника отвечать ещё и за противодействие абортам на территории всей Вятской епархии. С чего начинать противодействие, отец Михаил не знал – фронт для него совершенно новый. Подумав, решил начать с плакатов собственного производства. Наклепал одинаковых их пока что десяток, развешивал. Ещё один такой шедевр ручной работы нёс он в сумке, намереваясь

после литургии примастырить плакат у входа в детскую поликлинику, располагавшуюся неподалёку на улице Дзержинского. Всего же по городу в местах концентрации целевой аудитории священник планировал к Рождеству разместить сто плакатов. В качестве телефона спасения значился на плакатах домашний батюшкин номер. Но как вести беседы с дамами, решившимися на аборт, отец Михаил представлял себе смутно. В затруднительных ситуациях он всегда полагался на помощь свыше.

«Надо бы сфоткать прикреплённые в разных местах плакаты, – подумал священник. – Начальству для отчёта о проделанной работе фотографии показать, архиепископу это дело понравится несомненно. Да и мне самому память останется». С прошлым фотоаппаратом – допотопной «Сменой-8М» – у Михаила были проблемы. Он так и не нашёл времени, чтобы освоить все эти премудрости: проявители, закрепители и т. д. и т. п. Но прогресс не стоит на месте, всё изменились. И теперь знай себе кнопочку нажимай да плёнку в пункт фотопечати сдавай – и готовые цветные фото в конверте прямо на следующий день – твои! Только на прошлой неделе батюшка приобрёл в магазине «Квадрат» новенький серебристый Kodak, но вот незадача – фотоаппарат он положил в бардачок «москвича», машину же пришлось срочно отдать в ремонт. Так что пребывал сейчас Михаил и без колёс, и без камеры.

Миновав, чуть прихрамывая, перекрёсток, батюшка по-

вернул к храму. И тут же, только приметив деревянную колокольню, вспомнил тяжёлый сон, виденный этой ночью. И хоть вообще-то ко снам относился священник спокойно (мало ли что может привидеться), но сразу же, крестясь на ходу, принялся отец Михаил мысленно поминать новопреставленного верхнекамского попа отца Дорофея, душа коего неделю как отошла ко Господу.

А сон был таков. Михаил, так же как сейчас, подходил к филейской церкви, но, перешагнув порог, очутился не в храме, а… в бассейне. Было очень темно и тихо, на дне пустого бассейна рядами стояли облезлые деревянные кресла, как в зрительном зале захудалого кинотеатра. Тут сверху послышался стрёкот кинопроектора, и тусклый луч протянулся к экрану, висевшему вместо иконостаса. По лесенке, расположенной прямо у входа, Михаил спустился в бассейн и присел на кресло в пустом «кинозале». Пылинки плавали в луче света, а на экране мелькали кадры старого немого кино. Сюжет Михаилу казался до боли знакомым, но что за фильм – он вспомнить не мог. Вдруг резко включился свет, и происходящее на экране стало невозможно разобрать: слишком ярко и холодно сияли люминесцентные лампы. Щурясь, Михаил осмотрелся. Стены и пол зрительного зала (бассейна? храма?) покрывала белая плитка. Лампы жужжали в тиши электричеством. Ледяной холод ожёг Михаила. Он словно попал в большой промышленный морозильник какого-нибудь мясокомбината. Кажется, даже за-

пах мяса и крови присутствовал, но белый кафель, отражающий яркий свет, сиял стерильной чистотой, как в операционной. Кресло, стоящее сзади, скрипнуло. Коченея от ужаса, Михаил повернулся и вздрогнул. Он увидал отца Дорофея. Подрастерявшись, Михаил молвил: «С праздником вас…», но осёкся. Верхнекамский старец сидел полностью голый. Лицо – без носа, без глаз, без ушей – будто обглодано рыбами. Но Михаил во сне как-то понял, что это он, отец Дорофей. Схватив старца за плечи, Михаил начал его трясти; говорил что-то бодрое, пытаясь «вернуть» таким образом отца Дорофея обратно. Но старец молчал. Глухой, слепой, немой, он был покрыт тонкой корочкой льда, при этом старец точно был жив, хоть и абсолютно ко всему внешнему равнодушен. Михаил испугался, представив, какой жуткий холод испытывает сейчас старец. Он скинул тужурку, чтоб отогреть отца Дорофея. Но, когда накидывал одеяние, старец исчез; тут Михаил и проснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.